

Марина ПРОТАС

ВРЕМЯ-СОЗНАНИЕ КАК МЕРА **Опыт ретроспекции**

...Имя — отклик, поступки тела — тень. Поэтому и говорится: «Будь осторожен в словах — с ними согласятся. Будь осторожен в поступках — за ними последуют». Поэтому-то мудрые люди наблюдали за выходящим, чтобы узнать входящего; наблюдали за прошлым, чтобы узнать будущее. В этом и заключается естественный закон предвидения. Мера — в себе самом, а подтверждение (опыт) — в других. <...> Того, кто без учения хочет понять и меру и подтверждение, сравним с тем, кто выходит, но не через двери; идет, но не по дороге.

Даосская притча

... а если и найти, то как ее, меру эту, удержать в непокое нашей сумасшедшей жизни?

В. Возняк. Метафизика рассудка и разума:
Опыт несистематической самокритики

Две эфемерности, две энергии — время и сознание, сращенные в сизигийный кластер индивидуального как внутренней меры, меры саморазвития, ставят вопрос вполне в духе дзэн коана: «Как услышать хлопок одной ладони?» Вместо ответа возникает сонм вопросов, пока тишина движения «времени-в-себе» не восстановит гармонию полноты, ибо «само время не обладает бытием и есть иноформа становления как единства бытия и ничто, а форма, порождающая его, возможна лишь в относительном смысле, как нечто возникающее и исчезающее одновременно в конечном отношении человека к действительности»; и если «время всегда считалось атрибутом истории и является мерой нашего развития», то «переход от истории к становлению может быть совершен только во времени», сквозь полифонию времен мерцающих созвездий-сознаний [1]. И, обещает Библия, «времени не будет». Выходит, есть резон заглядывать в магические зеркала истории, освежая опыт прошлого, и рисковать вопрошать о будущем у самих себя, известно же: спасение там, где опасно.

В «Повести временных лет» не раз упоминается самаритянский гностик Симон Волхв, «який чарами діяв», предвзято представленный уже в «Деяниях Апостолов» и «Философумене» нечестивым магом. Однако, если для летописца, осуждающего тавматурга, пусть и прозванного современниками «великой силой

Божией», его историческая роль исчерпывается феноменами вроде того, что «повелів псам по-людському говорити, а сам перемінявся то в старого, то в молодого, а то одного обертав в образ іншого», то беспристрастная Клио милосердно идентифицирует его имя с философией. «Великое Изъяснение» (μεγάλη ἀπόφασις), относимое к его авторству, объясняет, в частности, возникновение мира творением совершенного Разума, дуального Огня (по аналогии с умопостигаемым и чувственным Платона). Когда бесконечная мощь Мысли от божественной идеации Духа перешла к деятельности посредством парных эманаций сизигиями (συσζυγία): Разум-Мысль, Голос-Имя, Рассудок-Размышление, сии сущности — зоны, вмещаи потенции прародителя (Разума-Огня) и в дальнейших эманациях нисходили все ниже в материю, закладывая вызревание реверсивного движения в духовном восхождении проявленного сознания гармонизацией представлений о становлении, дабы, избегнув аннигиляции за лень и зло, мир возвратился бы к Отцу. Соответственно, заключали ученики Симона, и наиболее известный из них Менандр: человеку необходимо активно развивать дар творящей силы, чтобы сутью своей не атрофироваться, не разорвав связь с единым корнем — незримой непостижимой Потенциальностью как Молчанием. Так, сущностная сизигия «время-сознание» сопутствует человечеству задолго до понятийного периода истории, заглянуть в тайну которой столь стремился Дитмар Кампер. Мы же спрашиваем: не потому ли разный образ времён конденсируется сознанием, постоянно изменяя характеристики время-сознания, которое испытывает на прочность индивидуальность, культуру в целом, предупредив для них меру наказания — падение в хаос распада и бескультурия, но также задавая тон возвышенного, что оборачивается мерой пресечения разрушительных мыслей и экспериментов, побуждая людей отрезвляться и возвращаться в чистоту созидающей культуры, духовного искусства; — и все это для того, чтобы стимулировать к экстастическому творчеству человечество, «временящее» внутренней мерой, различающей мертвое время, в котором истлевают культуриндустрия, от истинно живого времени трансцендентного сознания художественной культуры, где прекращается бессмысленное мелькание надуманно модернизированных форм вместе с тривиальным ритмом длительности, сворачиваемых в точку абсолютной полноты? Только тогда мера перестает играть надзирающую роль принципа ограничения и причинно-следственного воздаяния, разоблачаясь в становлении разряженной атмосферой мира горного, подобного ведической Мереу. Мера ж Мереу в нашем мире немислима, ибо, сообщает Махаяна Шраддхотпада шастра, все метафизические учения — дхармы — «изначально являются только сознанием и по сущности своей не сводятся к различающей мысли, а когда сознание охвачено заблуждением, его непробужденность полагает начало различающей мысли, вследствие чего сознание начинает воспринимать весь мир объектов»; но благие качества различающего сознания постепенно снимаются единым сознанием, которое в тотальности Дхар-

мового Тела уже не воспринимает свойств «быть живым существом», принадлежа «миру Первой Истины, а не миру, относящемуся к области Профанической Истины»; соответственно: «Объекты шести органов чувств при окончательном анализе оказываются вовсе не тем, чем они нам представлялись ранее. Что же касается сознания, то оно вовсе не имеет никаких свойств оформленной телесности... Если сознание освободится от своей омраченной деятельности, то исчезнет и весь мир объектов и останется лишь одно истинное сознание, охватывающее все без исключения» [2, с. 41–43, 45]. И время, как энергия (Н. А. Козырев), истекает вечностью.

Классическая философия Востока, в частности Китая, а также веданта, миманса или санхья древней Индии, больше хранит молчание, нежели сообщает о космическом, сверхкосмическом сознании, которое являют высочайшие сущности планов квазиразряженной субстанции [3]. Даосские притчи, не единожды цитируемые данным текстом, сообщают: «Великая Чистота спросила у Бесконечности: “Знаешь ли ты, что такое путь?” <...> Спрашивающий о том, о чем нельзя спросить, заходит в тупик. Отвечающий на то, на что нельзя ответить, не обладает внутренним знанием. Тот, кто, не обладая внутренним знанием, ожидает вопросов, заводящих в тупик, во внешнем не наблюдает вселенную, во внутреннем не знает первоначала. Вот почему таким не взойти на гору Союз Старших Братьев, не странствовать в великой пустоте». Для живущего на Земле человека, не познавшего паранирваны (абсолютного не-бытия монады как истинной жизни), понимание этого ребуса почти недоступно, и, тем не менее, знать об этих иерархиях следует, ибо коллективное сознание человечества и являет собой те божественные семена, которые Владыка Вечности растит на небесных полях Анру, где мера самой качественной пшеницы, закона воздаяния, — семь локтей, согласно египетской *Книги ритуалов*, неудачно названной археологами «Книгой мертвых». Аналогия с семеричной структурой проявленного мира (и человека) древнеиндийской философии очевидна, правда, сведущие в доктрине знают — каждый план содержит также свои семь подпланов; иногда нижние три уровня телесно-психической материи не учитываются в метафизических рассуждениях о сверхтонких субстанциях. Квинтэссенцию доктрины восприняла европейская часть творческой интеллигенции рубежа XIX–XX вв., без которой не понять, скажем, наследия К. Брынкуша, или И. Зданевича, А. Белого, М. Волошина, Д. Бурлюка и тем более — горячей поддержки авангардистами Тифлисского объединения «41°». Даже главный оппонент Белого — Осип Мандельштам, сторонящийся ориентальных поветрий, размышляя о «времени нет» и «пшенице человеческой», жаждущей быть размолотой, критически заметил с вполне мистериальным подтекстом: «Состояние зерна в хлебах соответствует состоянию личности в том совершенно новом и не механическом соединении, которое называется народом», но в некоторые эпохи перестают выпекать хлеб, пшеница не хочет быть хлебом, и, возможно, «эра мессианизма окончательно

и бесповоротно кончилась для европейских народов», «пока Европа не обретет себя как целое, не ощутит себя как нравственную личность»; «Нужно смотреть трезво: нынешняя Европа — огромный амбар человеческого зерна, настоящей человеческой пшеницы, и мешок с зерном сейчас монументальней готики» [4, с. 568–572]. Добавим, качество хлебов с этого зерна, особенно сегодня, вызывает серьезные вопросы к мельнику и пекарю, а по сути — к нашему внутреннему Я, ибо «большую идею нужно воспринимать с большим пониманием», с сверх-усилием, а не захлебываться нано-идейками, пренебрегая возможностью «думать иначе, не так, как привыкли, не так, как думали раньше» (Г. Гурджиев), при этом художнику не стоит замещать возвышенно-образную медитацию прагматизмом спекулятивного философствования, помня о кантианском интуитивном усмотрении истины искусством. Поэтому, если верить древним, главным заданием на эволюционном пути нашей жизни (где, свидетельствует Лао-Цзы, «духовное — из пути, телесное — из мельчайшего семени»), является опыт адаптации (локоть за локтем) многоуровневого сознания земного плана, в котором переплетены иерархии самосознающего триединства духа, души и тела, имеющие разные темпоральные ритмы, статус и отношение со смертью/бесконечностью. В тибетском языке даже понятие «сознание» имеет до дюжины обозначений, согласно представлению, что ни постоянного сознания, ни индивидуального «я» не существует; и человек должен обучаться правильному мышлению, например, давая верный ответ на вопрос шестого патриарха Чань «что движется: флаг или ветер?»: «движение не имеет отношения ни к ветру, ни к флагу, движется нечто в нас самих»¹. В целом традиция восточных учений утверждает: только сознание в духе обладает привилегией бессмертия, представляя истинную жизнь как становление, свободное от иллюзий майи, а значит,

---

¹ Демонстрируя сложную иерархию «принципа сознания», «Бардо Тёдол» сообщает: в процессе умирания происходит отслоение психических энергий. Из мозга, через сердечный нервный центр, затем — теменное отверстие, «поток сознания» (*тиб.* — намше) переносится в Свет Освобождения. Уже очищенным от воздействия пяти чувств, без мыслеформ, сознание получает статус «шепа» обретая «прозрачность пустоты»; а в еще более одухотворенном статусе «шериг», будто в трансовом озарении, незамутненный разум «лишен формы, свойств, признаков, цвета; он пуст — это сама Реальность, Всеблагость». И «это не пустота Небытия, а разум как таковой, свободный, трепещущий, блаженный; это само Сознание», теперь достигшее божественного статуса «ригпа», воссоединившись с полнотой пустоты «шериг», и создав небытийное сознание Дхарма-Кайя — «тела Истины». Оно — «сияющее, пустое, неотделимо от Великого Источника Света». Ламы призывают: «Познай себя в это мгновение и останься в этом мире», мире Совершенного Разума Чистого Света. Но нетренированное сознание скользит как игла по нити вниз, притягиваясь кармической самостью нового воплощения. Степени нисхождения его в Иллюзию обозначаются иной терминологией.

обретая многомерную целостность в абсолютном времени мгновенно утраченной длительности. Последние наставления Джецюна ученикам, которые должны были «избегать тонкого умозрительного анализа», гласили: «Мирской ум — большой враг. / Он служит телу из плоти и крови, / И недосуг ему осознать природу Реальности... На границе между умом и материей / Саморожденное или созданное знание — большой враг... Оно ищет формы, которой лишилось, / И ему недосуг осознать Истину... / Цель, медитация и практика — / Соедините их в одно слово и добывайте / Непосредственное Знание». Вот и Доэнь, в трактате «Рассуждения о различении Пути», сообщает, чтобы «соединить всеобъемлемость с отстраненностью», необходимо «пробудится сердцем и устремится на поиски Дхармы», ведь ее нельзя описать, а можно воспринять только «от сердца к сердцу», в нем одном суть учения «проявляется ясно и сохраняется»: «Мы изначально обладаем семенами непревзойденного бодхи. Но поскольку сами мы осознать их неспособны, мы стремимся порождать беспочвенные мысли, считая их конкретными вещами, а потому сбиваемся с большого Пути, и усилия наши бесполезны. Подобные взгляды порождают только призрачные “цветы в пустоте”»; бытийное мышление обманчиво, и, «если вы погрязнете в сфере сознания, то не достигнете подлинного пробуждения, поскольку его принцип непостижим замутненным сознанием»; но если «человек ограниченное время будет сидеть в медитации, он станет сопричастным всему существу и окончательно растворится во времени»; такая медитация «будет подобна звуку от удара молотком по пустоте, его несравненное звучание проникнет повсюду. Разве оно ограничится одним мгновением? Невозможно измерить, как сотни вещей достигают его каждая по-своему», и «поворот Великого Колеса Дхармы уместается в единственной пылинке» [2, с. 195–200]. (Замечу, Далай Лама XIV рекомендует ежедневную медитативную практику с концентрацией на дыхании, чтобы максимально развить способности абстрактной мысли, ибо «для человека очень важно ценить свой потенциал и понимать значение внутренней трансформации. Это достигается в процессе духовного развития. Иногда я называю это “открытием духовного измерения”», но метафизические идеи необходимо адаптировать «не только на интеллектуальном, но и на духовном уровне, сделать эти идеи частью своего внутреннего мира», причем, не имеет значения, идет речь о вере или базовых императивах — доброте, сострадании и человечности, ведь «истинная духовность — это состояние ума, которое вы можете поддерживать постоянно»). Много ранее устами Чжуан-Цзы подобная идея была выражена в такой форме: «... Вещество в вещах не отграничено от вещей, но вещи обладают пределом... Предел же беспредельного — это бесконечность конечного. Мы говорим о наполненном и пустом, об увядании и смерти. Для пути же наполненное не наполнено, пустое не пусто. Начало и конец для него не начало и не конец; скопление и распад для него не скопление и не распад». Вот почему Фалес, согласно

Ямвлиху, советовал любящим мудрость «более всего дорожить временем», всячески оттачивая остроту ума для экзотических преодолений, ибо, поясняли акусматы, самым сильным является мысль, самым красивым — «гармония, свойственная Сиренам»; да и Ямвлих упреждал философов: «красота и величие ее настолько превосходят силу человеческого восприятия, что постичь ее сразу невозможно. Разве только какой-нибудь благосклонный бог, незаметно приблизившись и вкратце изложив ее, смог бы привлечь к ней». Таким образом, сколько бы вуалей не скрывали алетейю, предупреждая редукцию овеществления, ее следы как зерна следует искать, собирать, «выпрямляя» себя, а значит — возвращать мужество преодолевать индивидуальные пределы своего наличного времени, своего заостренного сознания, преодолевать время-сознание культуры, наполняя глубиной становления жизнь, разумная сложность которой не может быть случайно-бессмысленной. Как выразился небезызвестный физик, абсурдно полагать, будто последняя модель Боинга сможет сама, случайно, собраться где-то на задворках бытия. И ненулевая возможность известной обезьяны, путем случайного нажатия клавиш, напечатать «Гамлета» также лишена смысла, ибо число вероятности превышает сроки жизни нашей Солнечной системы. Иными словами, познать закономерности умной гармонии жизни можно, но лишь пройдя, семижды семь, 49 ступеней, т. е. преодолев все 49 пределов время-сознаний (с бесконечностью индивидуальных состояний, которых как снежинок, не найти похожих ни за день, ни за всю жизнь одного человека, что ж говорить о многих), как преодолели, прошли их «Семь мудрецов» античности: Фалес, Солон, Периандр, Клеобул, Хилон, Биант, Питтак; а с ними еще те немногие, среди которых были: Вьяса, Шанкарачарья, Капила Риши, Будда Шакьямуни, Лао-Цзы, Дзонг-ка-па... Западное мифологическое мышление выразило бы идею возвращения (тайнство Дня «Будь с нами») аллегорически: Зевс, как аспект Кроноса, оскопляет Урана, меняя вектор развернувшегося время-пространства на реверсный путь свития будущего в прошлом¹. Даже В. Беньямин, весьма своео-

¹ Вполне в духе современных астрофизиков, лишь недавно предположивших, что Большой Взрыв проявляющегося Универсума — не единичное, а циклично возобновляемое событие в жизни Мультиверсума, древние утверждали, что циклы «Великих Веков» бесконечны. В Индии сравнивали циклично расширяющийся и коллапсирующий космос с дыханием Брамь, День-Манвантара и Ночь-Пралая которого вместе составляют 8.640 млн лет, а Век Брамь (Маха Кальпа) длится 311.040 млрд лет, после чего Вселенная вновь уходит на покой в космическую ночь. Халдеи имели то же счисление великих временных кругов с малыми внутри них. Египтяне же и греки исчисляли свой Звездный год в 25 868 солнечных лет, а информацию о Веке Богов хранили как тайну Мистерий неразглашенной. Но известно: греки отмеряли как крошечные циклы в несколько лет, так и немислимые астрономические циклы, также цикл Кассандры в 136 000 лет, Великий цикл Орфея в 120 000 лет, на протяжении ко-

бразно исповедуя марксизм, дабы «чесать историю против шерсти», заметил, что «образ счастья, нами лелеемый, насквозь пропитан временем, в которое нас определил ход нашего собственного пребывания в этом мире»: «С представлением о прошлом, которое история выбрала своим делом, все обстоит точно так же. Прошлое несет в себе потайной указатель, отсылающий ее к избавлению»; а современность, как «актуальное настоящее» с «вкрапленными осколками мессианского времени» или просто «замирание времени», — суть уникальное общение с прошлым, ибо «питательный плод исторического познания время прячет внутри как драгоценное, но лишенное вкуса семя». При этом, «невозвратимый образ прошлого оказывается под угрозой исчезновения с появлением любой современности, не сумевшей угадать себя подразумеваемой в этом образе» («О понятии истории» [5]). Подобная угроза неразличения современностью себя в прошлом обнаружилась в Милениум, создав все условия беньяминовской задачи: «овладеть воспоминанием, как оно вспыхивает в момент опасности»; тем более что «для мышления необходимо не только движение мысли, но и ее остановка. Там, где мышление в один из напряженных моментов насыщенной ситуации неожиданно замирает, оно вызывает эффект шока, благодаря которому кристаллизуется в монаду». На этом основании, хотя погружение в самадхи (абсолютное самообладание) нам не грозит, тем более продолжим спасительные воспоминания.

Как и восточная, западная традиция от глубоко архаических времен утверждает, что Вселенная — это воплощенное сознание. Пифагор, поясняя идею музыки сфер, говорил о творении Космоса пропорцией чисел и геометрической гармонией. Во времена Платона (когда ценные трактаты самосского ученого, посетившего Египет, Персию, Индию, знающего о гелиоцентризме и перевоплощении, еще можно было приобрести в оригинале, как это сделал Платон) также знали, что в разворачивающейся Вселенной — числа и гармонии управляют светом/цветом, сначала невидимым, затем проявленным, являющимся сущностью звуковых вибраций, не только Мультиверсума, а, по мере конденсации плотной материи, — духовных и психофизических вибраций человека, определяя характер мыслей и устремлений последнего. Короче говоря, Логос как дух (Непроявленный Логос, Неизреченное Слово, Абсолютная Жизнь или Абсолютный звук), в процессе эманации, становится

торых отсчитывалось влияние космических тел на жизнь человека, как верил в это и Кеплер. «Древние считали, что во Вселенной существуют столь продолжительные циклы времени, что, с точки зрения людей и их представления о времени, любой из них может обозначаться словом “Вечность”. <... > Но и это понятие остается для нас туманным и неопределенным, поскольку мы не можем представить ни когда эта “Вечность” началась, ни когда она закончится, хотя при этом осознаем, что существуем в рамках непрерывного потока Времени. Любая попытка логически понять смысл этого феномена терпит поражение» (Х. А. Ливрага).

разумной материей, распятой между «полнотой и распадом». Ямвлих, описывая жизнь Пифагора, который один мог слышать музыку небесных сфер, сообщал: «Питая от этого источника свой ум, он упорядочил глагол, присущий уму», и, назначая меру обучения учеников, особенно в методиках воспитания символами, лечения музыкой путем «смешения некоторых диатонических, хроматических и энгармонических мелодий», следил за их делами и нравами, ибо «разум получает толчок как в ту, так и в другую стороны», сообразно двум видам движения души и тела: неразумному и связанному с выбором [6, с. 50–52, 97]. Ответ этих знаний продолжает питать философскую мысль нашего времени, облекаясь на исходе прошлого столетия, скажем, в слова итало-испанского философа проф. Х. А. Ливраги, который, посылаясь на А. А. Лавуазье, объяснял: «Энтропия — это свойство Вселенной, благодаря которому ничто не теряется, ничто не приобретает, но все трансформируется», «все во Вселенной связано посредством широчайшего спектра энергий. Энергия обладает свойством непрерывности, независимо от того, в каких формах и с какой интенсивностью она проявляется»; «То, что упрощенно понимается как рождение и смерть, не что иное, как циклы Единой Жизни, процесс преобразования из одной формы существования в другую». Для цивилизационной культуры, добавлял ученый, закон циклов первостепенен, позволяя сознанию человека развиваться: «Самый общий анализ исторических событий с убедительностью аксиомы свидетельствует, что эволюция цивилизаций не непрерывна, а представляет собой циклы, или прерывающиеся периоды. <...> За впечатляющими техническими достижениями последних лет в недалеком будущем последует возрождение внутренних нравственных ценностей», но для этого «необходимо срочно изменить самого индивида, ибо любая организация, любая общественная или политическая система рано или поздно будет заканчиваться гибелью и разрушением, если составляющие ее люди будут нравственно ущербны».

Современная космогоническая теория астрофизиков мало чем отличается от древней, разве что иной терминологией. Но бесспорным остается тот факт, что знание о сотворении мира с его иерархическими уровнями, как тогда, так и теперь полагается сложнейшим и таинственным, лишь немногим дающим ключ к пониманию соответствий между человеком и Универсумом, галактикой и нашей Солнечной системой, чтобы подобно Карлу Сагану или Алексу Филиппенко (в 1998 г. открывшему с группой ученых темную энергию), как некогда Анаксагору или Парацельсу, утверждать: «В человеке — все звезды...». Однако прашуры не спешили вербализировать и визуализировать красоту сущности учений, ибо овеществление знаний считалось столь же неразумным, как попытка вместить извечно беспредельное в ореховую скорлупу. Тем более, напоминая Гиппарху о клятве неразглашения учения, писал Лисид: «...плотные и густые заросли окружают умы и сердца тех, кто, не пройдя очищения, посвящает себя занятиям наукой»; посвященные же зна-

ли: «...нужно стремиться не к беспредметному знанию, но к знанию о подлинно сущем и всегда равном самому себе, пребывающем в постоянстве и соответствующем названию “сущее”» [6, с. 61, 116]. Равным образом философ-гностицист Пантен, наставляя обучающегося у него Климента Александрийского, принципиально воздерживался от записи передаваемых изустно знаний (Strom. I 11, 1–3). Вместе с тем, свет истины преломлялся мистериальными институтами, экзотерическими притчами и мифами, ритуалами и прочими обрядовыми празднествами, обязанными предупреждать возможную деградацию коллективного сознания (Ямвлих об этом сообщает в трактате «О египетских мистериях» более подробно). Самые настойчивые искатели истины практиковали медитации, лишая свое сознание тривиального времени наличного бытия вместе с личностными атрибутами, загрязненными эгоизмом и страстями материального мира, ради освобождения от всех мыслей и идей, чтобы раствориться, отождествиться в бесконечности абсолютного времени и пространства, став в сверх-ощущении бессмертной сущностью. («Он овладел сущностью и не замечает поверхностного, весь во внутреннем и предал забвению внешнее. Видит то, что ему нужно видеть..., опускает то, за чем не следует наблюдать», — свидетельствует даосская притча). Проблема в том, что тварной рассудок не имеет инструментов для осмысления высоких духовных истин, понять которые можно лишь интуитивно, перейдя на план ноуменов, где обитает сущность феномена/явления, сущность красоты, сколь бы скабрёзно не ёрничал по этому поводу Венечка Ерофеев. С этой целью древними и были разработаны практики медитации, обучающие искусству отрешения от овеществленных мыслей: закрыв глаза, не слышать шума мира, остановить мысль, визуализировать некую абстракцию в светозвуковых хроматических символах. Аналогия, по принципу аналогетиков Аммония Саккоса, с творческой медитацией позволит понять разветвленность иерархий время-сознаний художников, находящихся на разных уровнях художественного мышления и создающих столь же разного уровня культурный продукт. Причем, редко когда духовный, чаще — чувственно-ментальный, а, как правило, исключительно фрейдистский, ибо сознание многих представителей богемы вовсе не покидает пределов тварного и инстинктивного. Но фокус в том, что авангардная революция искусства была бы не выполнимой, если бы сами художники ни интересовались, ни пытались осмыслить, ни упражнялись в данных практиках, ни ходили на лекции Успенского, Гурджиева и т. д. В конце концов, не только Пифагор, Платон, Александрийские неоплатоники (39-летний Плотин, стыдящийся «думать, что имеет тело», путешествовал с Гордием в Персию, Индию, где сопоставлял философские нюансы) или Джордано Бруно, пытались синтезировать восточные идеи с западным мышлением, но и украинский авангард рубежа XIX–XX вв. повторил этот опыт синергии, хотя послыл остался не адаптированным внутренним сознанием художников, функционирующим на поверхности ментала, что выхолостило, свело на нет возможный

результат. Говорят, что радикальные духовные идеи даются людям с прицелом на то, что полноценно реализоваться они смогут лишь через сто лет. Вполне похоже на правду. Так что именно теперь пришло время переосмыслить искусству всё нарабатанное, и пойти чуть дальше, изменяя квантованием художественное сознание, и подготавливая общество для масштабной активации коллективного сознания в духе. Тем более, как утверждают древние, творческое воображение создает устойчивую модель желаемого, и воля воплощает в объективный мир образ тонких планов мысли. Одним словом, и за самой темной ночью неотвратимо следует рассвет, и в самый разгар культуры индустриального шаша есть смысл испытать и прочувствовать, осознать себя вначале на ментальном плане, а затем, отрешившись от меркантильных чувств, связующих нас с временем «вот-бытия», — ощутить более тонкую реальность с еще более тонкими чувствами, отсвечивающими время-сознание абсолютного. И для этого требуется сверх меры утонченное воображение, раз уж, объяснял Плотин в «Энеадах», по ту сторону нет привычных форм, как нет пространства и времени, доступных нашему пониманию. Посылаясь на Платона, Плотин определяет время «подвижным образом вечности», сопровождающим жизнь. Современные философы соглашались с этим: «В сущности времени как такового нет. <...> Существует время как развитие бытия, но поскольку время само себе тождественно и не подвластно, то в ином оно — вечность. <...> Вечность — не бесконечно большое время..., но время, подвергнутое самоотрицанию. Время в себе самом... Причем вечность не растянута во времени. Она — миг, мгновение, которое длится бесконечно — “здесь-сейчас”, как сплошность и полнота бытия» [1, с. 112, 102–105].

Это означает, что, когда время овеществляется без возможности истекать через мгновения в вечность, а трансцендентный свет «умной радости» сердца (духовное сознание, ум духа) не способен развивать наши чувства и воображение, отнимая возможность создавать гениальные творения, то рассудочное искусство — как преходящая форма мнящего сознания, самовольно, точнее безвольно, обрекает себя на смерть задолго до фатального порога. «Перед тем как телу окостенеть, человек бежит быстро. Перед тем как утратить рассудок, сердце легко отличает правду от лжи. Причина в том, что, не достигнув предела, вещи не переходят в свою противоположность» — говорят приверженцы Дао. Как холодная плазма физического огня или наша маленькая звезда Солнце — лишь несовершенные кавер-версии духа огня звезд-гигантов межгалактического уровня (взрывом уплотняющие горячую плазму, вращающуюся в искривленном пространстве-времени, с периодическим выбросом избытка космического вещества), так и мысль физического мозга — лишь слабая трепещущая тень сущности; дымовая завеса, скрывающая свет огня. Не случайно философия Г. Сковороды, П. Юркевича выстраивалась на фундаменте кардиоцентризма, ведь «сердце опережает разум в познании истины». (Но бывает, случается ущербное сердце, и тогда, вспоминая поэзию репрессированного Бене-

дикта Лившица, которую Давид Бурлюк, отстаивающий антипозитивистский принцип «3-х Д» — дисгармонии, диссимметрии, дисконструкции, цитировал наизусть, в т.ч. «Ночной вокзал» 1911: «Мечом снопа опять разбуженный паук / Закапал по стеклу корявыми ногами. / Мизерикордией — не надо лишних мук ...»). Их идеи согласуются с восточной философией, в частности ламаизмом, где постулируется воздействие принципов сердца на ментальные функции «мышления, рассуждения, воображения и памяти, локализованных в головном мозгу» [7, с. 23]. Однако становление высшей сущности непостижимо вещному сознанию психо-интеллектуального человека, погрязшему в нижнем тварном Я, где гнездятся меркантильность и эгоизм, желание работать за хорошее вознаграждение для личного обогащения и славы. Так что на данном этапе своего развития, понимать и управлять энергией/сознанием сердца обычный человек не способен, если только, достигая нирваны, не познал все семь уровней духовной трансгрессии. Хотя, утверждают восточные философы, кардио-вибрации мы принимаем за голос совести, за высокие порывы бескорыстного альтруистического служения, отсюда же исходят неземные откровения музыкантов и поэтов, также как воля художника создавать возвышенные образы, каких бы препон не воздвигала судьба. Если же, решая проблему, человек начинает колебаться в оценке и принятии необходимого решения, значит, он застрял между этажами сознаний. Тогда-то физический рассудок может противиться голосу совести, раскаянию, понуждая совершать неприглядные поступки, и случается, художник предаёт искусство и начинает служить культуриндустрии, выстраивая бизнес-проекты, обдумывая убогие концептуальные инсталляции и пр. Однако в такие моменты малодушия следует не забывать древнего предостережения: это Высшее Эго в чертоге сознания/памяти сердца вершит суд египетской Маат, это сущность возлагает перо истины на другую чашу весов Анубиса-Анэпу, являя, по совместительству — источник предсмертных и посмертных видений. В комментариях к «Бардо Тёдол» К.Г. Юнг заметил: свет абсолютной просветленности сверхсознания, или тела Дхарма-Кайя, скрытно пребывает в душе, но жизнь настолько переполнена вещами, что очень редко «высшая степень понимания и просветления, а значит — максимальная возможность освобождения — достигается человеком в момент смерти. Вскоре после нее возникают “видения”, которые в конечном итоге приводят к новому рождению, причем изначальный ослепительный свет постепенно тускнеет и дробится, а видения становятся все более жуткими. Такое нисхождение поясняет отчуждение сознания от освобождающей истины...»; «Духовная вершина достигается человеком в момент завершения жизни; следовательно, жизнь — есть средство для достижения высшего совершенства; именно она порождает карму, открывающую умершему возможность обрести извечный свет Пустоты, остановиться в центре колеса рождений, освободиться от иллюзий возникновения и разрушения» [7].

Вот и сегодня особо чуткие философы утверждают, что только живущая красотой становления душа, «отринув в самозабвении свою тварность, в деянии творчества отрекаясь от “я”, совлекая с него вещную форму предметности, оставляет временный мир наличного бытия, растворяет свое существо в алогичной, бегущей догматов культуре»; «Живой человек распят в антиномиях бытия. С одной стороны, он не может выйти из своего непосредственного бытия в инобытие культуры, чтобы не умереть, воспаряя к свету, с другой стороны — культура не может спуститься до нынешнего, копошащегося в грязи человека, потакать его низменным желаниям», а значит, «чтобы одолеть мертвую разбеденность мира, либо душа, либо культура должны принять смерть» [1, с. 132–133]. Выбор прост: становление в красоте возможно лишь с катарсическим умиранием при жизни (в Мистериях это испытание «малой смертью») и с посмертным растождествлением внутреннего Я (или полноценное длительное путешествие с психопомпом, после которого не всякий мист возвращался). Современному человеку необходимо заново научиться выверять индивидуальную сакральную географию с космическими ритмами пространственно-временного сознания Универсума, переоткрывая его красоту и совершенство гармоничных взаимосвязей бесконечно малого с бесконечно великим (Фернан Шварц, Анри Корбен). Откликающиеся на вызов времени украинские философы видят причину культурной энтропии в том, что «начало “течения” времени совпадает с появлением наличного бытия и гибелью в этом бытии становления». (Или вот у И. Бродского: «Время создано смертью. Нуждаясь в телах и вещах...»). В этом смысле, остроумно подмечал еще Т. Стоппард, «для всех компасов на свете есть только одно направление, и время — мера его», однако «смерть, сопровождаемая вечностью, ... худшее, что есть в обоих мирах», поэтому «вечность — ужасная вещь», но еще более ужасной является «неубедительная смерть» [8, с. 74–75, 80]. Соответственно, можно, отказавшись от общечеловеческих ценностей, «от самого человека, от мира его, от его меры», унизиться до «чистилища смертоносной культуры», и тогда «смерть — метр, размер, счисленность — граница, заставляющая человека вернуться, вторгнуться в себя»; «Укореняясь как желание иного, культура заставляет человека испытывать ужас и боль рождающегося самосознания... Печаль по убиенным и не рожденным вовсе чувствам, больная совесть и сознание бескультурья, как постигнутое понятие греха, сжигают человека. Культура — кара, месть за несодеянное, за недеяние»; однако, во всех случаях «смысл жизни — мера смерти человека, его тленности» [1, с. 105, 124, 126, 129–131]. В подобном ключе размышлял и поэт от Бога — Мандельштам, истолковывая смерть художника «высшим актом его творчества»: «Мне кажется, смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее, заключительное звено» [4, с. 575].

Все это, безусловно, верно, но, сколь бы «Пифокресты» ни вещали, почему-то человечеству не удается освободиться от груза библейского вопроса: кто, из имеющих уши, услышит, из имеющих глаза, увидит эту обнаженную до непристойного истину? Кстати, Догэн — основатель школы Сото-дзэн, в 1231 г. отстаивающий приоритет практики сидячей медитации, просветление в которой позволяет «отбросить и тело, и сознание, очистить чувства и мысли от прошлой скверны и постичь истинную сущность Учения Будды», также жалел нерадивых учеников: «Какая жалость, что ваши очи еще не раскрылись, а сознание пребывает в опьяненном состоянии!» [2, с. 194–198]. Коллективное время-сознание оскопленных чувств остается в плену овеществленности, на смерть «пресыщенным временем». Между тем, еще в архаические времена, когда философия «Запредельной Премудрости» передавалась даже не изустно, а «сердечно», Сутра сердца праджня-парамита, основанная на философии мадхьямики, став со временем центральной в школах чань (дзэн), на примере опыта бодхисаттвы Авалокитешвары — Созерцающего звуки мира, осуществившего праджня-парамиту, поясняла: «Материя не отлична от пустоты. Пустота не отлична от материи. <...> Все дхармы имеют пустоту своим сущностным свойством»; однако «в пустоте нет материи, нет групп чувства, представлений, формирующих факторов и сознания, нет органов зрительного, слухового, обонятельного, вкусового, осязательного и ментального восприятия, нет зримого, слышимого, обоняемого, вкусоощущаемого, осязаемого, нет и дхарм; нет ничего от сферы зрительного восприятия и до сферы ментального восприятия. Нет заблуждения и нет прекращения заблуждения и так вплоть до отсутствия старости и смерти...» [2, с. 8–9]. («Джеюн-Кахбум» подтверждает: «То, что имеет природу Несозданного, Дхарма-Дхату, Нерожденного, Пустоты, / Шуньяты, не имеет начала и никогда не прекращается. / Даже рождение и смерть имеют природу Пустоты»). Сверхчувственная духовная сущность всемирного пространства — Акаша ведантистов, заключает в себе вечную мыслеоснову Универсума, эманулирующую в объективные планы мысль или мистическую речь, первый Логос. Учение мадхьяма говорит о Вак — «матери Вед», женском Логосе, исторгнутом Звуче (Слове) из мыслеосновы, как аспекте Браммы в нем самом, богине мудрости, названной в Махабхарате «голосом, извлеченным из немого Браммы» (в греческой мифологии: Афина в голове Зевса).

Как вверху, утверждали герметисты, — так и внизу. За жизнь человек обрастает всевозможными мыслеформами, как корабль ракушками, обретая устойчивый духовный аромат, а может статься, что и ментальное зловоние. Древние философы поясняли: мыслеформы производятся каждым из пяти чувств (иногда шестым чувством считался разум), имеющих свое сознание; все вместе они — суть аспекты целостного сознания человека, действующего посредством разных органов как дифференциациями единого чувства-сознания. Но универсальным его эквивалентом все же является зрение: «душа каждого — суть то, что она созерцает», повторял ученикам

Плотин. При глубоких медитациях, замечали и мудрецы Поднебесной еще в более архаические времена, «все чувства сливаются в одно: зрение уподобляется слуху, слух — обонянию, обоняние — вкусу. Мысль сгустилась, а тело освободилось... Тогда-то в законах природы не осталось ничего скрытого». Эти базовые идеи пытались развить известные европейские музыканты и живописцы эпохи стиля модерн, доказывая реальность синестезии (греч. *συναίσθησις* — одновременное чувство), человек может чувствовать цвета, видеть звуки, на дальнем расстоянии чисто визуально обонять запахи (что, кстати, абсолютно спонтанно мне самой как-то пришлось испытать, к немалому удивлению). Сегодня европейским ученым удалось подтвердить рядом экспериментов с незрячими людьми, что именно чувство зрения синтезирует в себе прочие чувства, так что даже слепой посредством целостного восприятия может рефлексировать (выказывая адекватную мимику и психический настрой) на инсталлируемые компьютером эмоциональные изображения, активизируя сознание внутреннего зрения-обоняния-осязания-вкуса-слуха. Объяснить с научной достоверностью действие этого механизма ученые пока что не готовы; хотя наши пращурь владели этим знанием, потерянным/утаенным в отложениях исторического времени. Еще в 1995 г. британский нейропсихолог Оливер Сакс заметил: «По словам Фримэна Дайсона, с восхищением отмечающего богатство физического и биологического миров и разнообразия проявлений всего живого, присущее природе воображение гораздо богаче воображения человека. <... > Болезни, дефекты, душевные неурядицы могут сыграть парадоксальную роль, вызвав к жизни скрытые силы и потаенные возможности организма, о существовании которых человек даже не подозревает. Парадокс болезни заключается в ее созидательном, полезном для человека потенциале»; а «приобретенные недостатки, нарушая физические способности человека, могут неожиданно привести к эволюции нервной системы на ее новом пути развития» [9]. Этой позиции, среди прочих, придерживались Л. С. Выгодский и А. Р. Лурия. Между тем, сознание тела, пронизывающее каждую его клетку, вряд ли будет нам интересным, оставим этот труд бихевиоризму, равно как и сознание инстинктов — лакомый пирог фрейдистов, опускающих творчество до уровня позывов естественных отпавлений и сублимаций либидо, хотя образчики последнего нынче не редкость, не о них, все же, речь. Много любопытнее уровни астрального сознания, которым пользуются слепые и умельцы читать с завязанными глазами, обладатели феномена телекинеза и видящие вещи сны; а также френопатические маттоиды, описанные Ч. Ломброзо или О. Саксом, и опыт которых разделяют многие современные визуалисты. Но даже тут нам нет нужды задерживаться, если мы не ставим целью общаться, подобно мольфарам и характерникам, с элементами природы посредством флоры, фауны, энергий всех стихий, а легенды сообщают интересные факты из жизни Пифагора в этом ключе, в т. ч. о приветствующем его голосе реки, о спустившемся к нему с небес орле, о наставлении быка, пасущегося на бобовом поле и пр.

А вот аурическому сознанию, связанному со столь распространенным на рубеже XIX–XX вв. понятием ауры, уделить внимание необходимо. Пришло оно также из восточной философии, ведантизма, ассимилированным теософскими доктринами Запада, что заметили даже те христианские очевидцы, кто не разделял ориентального возбуждения: «Время может идти обратно: весь ход новейшей истории, которая со страшной силой повернула от христианства к буддизму и теософии, свидетельствует об этом» [4, с. 576].

Разъяснялась аура в качестве акустическо-хроматических отражений: аурическая оболочка интегрирует высшие принципы жизни и воли, которые концентрируются в энергию, эмануруемую из глаз и рук, создавая феномен гипноза, целительства, гениального творчества и пр. (на аналогичном принципе зиждется арт-терапия, внутреннее очищение классической музыкой или чтением, например, Шекспира, или Гомера и Гесиода, как во времена архаической Греции). Чем чище человек от всего низменного, меркантильного, тем яснее лучи световой игры его божественной сущности — «Атма-Буддхи-Манаса», синергии трех космических Логосов, огонь которых наполняет сердце. Именно его импульс в качестве желания познавать, развиваться духовно улавливает телесное сознание человека, пробуждающегося под воздействием света своей сущности, если способен воспринимать тонкие вибрации. Чарльз Ледбитер, Анни Безант, говоря об ауре, подразделяли ее на уровни: тонко-духовную, астральную и ауру здоровья человека. Объяснялось: голубовато-белый эфирный двойник физической части ауры «связывает астральное тело с физическим и играет важную роль носителя жизненной силы на физическом уровне», но астральную часть ауры увидеть легче из-за цветового богатства (в конце XIX в. было издано достаточно много литературы с красочными изображениями ауры человека в разных эмоционально-психических и интеллектуальных состояниях, доказывающих, что «каждая человеческая страсть, каждая мысль и качество обозначены в этой ауре соответствующими цветами, оттенками, и некоторые из них скорее улавливаются чувствами, ощущаются, нежели усматриваются»; «как струна вибрирует и издает слышимую ноту, так и нервы человеческого тела вибрируют и трепещут в соответствии с различными эмоциями под общим импульсом циркулирующей жизненности праны, производя таким образом волнообразные движения в психической ауре личности, которые имеют своим результатом цветные образования», иначе говоря: человек «как Золова арфа, отзывающаяся на удары по ней жизненной силы, что не есть абстракция, но динамическая реальность, и проявляет тончайшие оттенки индивидуального характера в явлении цвета»).

Эта популярная доктрина не прошла мимо научного интереса Вальтера Бенъямина, воздвигнувшего на ее фундаменте свою весьма нетипичную теорию ауры, нарушающую древние традиции продуманной контроверзой нездоровой мистике фашизма («Thule-Gesellschaft», «Ahnenerbe»). Ученый был вынужден балансировать

между священными талмудическими идеями, даже не помышляя откаться от них, и вместе с тем, отбрасывать вульгарный мистицизм, с якобы «устаревшими понятиями — такими как творчество и гениальность, вечная ценность и таинство». В работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» Беньямин очень неоднозначно адаптирует теорию искусства к «формулированию революционных требований в культурной политике». Козлом отпущения стает давно уже пущенная толпой в тираж аура. Захватанная мера вечных ценностей требует инверсионного очищения во спасение ее тонко-духовной сути. Поэтому: в условиях, когда меняется чувственное восприятие и сам способ его получения омассовленной жизнью, когда появляется магия кино, где актер уподоблен реквизиту «без ауры», когда любой вещью можно овладеть благодаря фотографии, наблюдается распад ауры — «анахронизма подлинности». Искусство «преодолеает» свою уникальность, освобождаясь «от паразитарного существования на ритуале», от «профанного культа служения прекрасному» (так, любому идеалу свойственно редуцировать в собственный антипод и сбрасывать омертвевшую «кожу», возрождаясь в зонах/этернитас заново). Фоторепродукции и не нужна аура живого оригинала, ибо важнее то, что массовость актуализирует экспозицию, через пространство, даря искусство всем, пусть даже ранние фотопортреты еще хранили культовый след ауры, но с уходом человека из фотоснимков Эжена Атже, полагал Беньямин, исчезла аура улиц и дворики. Как освободились от нее дадаисты, протестуя против буржуазной асоциальной созерцательности, ради нового социально-активного искусства, которое стает скандалом и развлечением. Воистину: кесарю — кесарево, когда Бог мертв; вместо уникальности и постоянства оригинала — мимолетность и тиражность свергнутой в осатаненность культуры: «Освобождение предмета от его оболочки, разрушение ауры — характерная черта восприятия, чей “вкус к однотипному в мире” усилился настолько, что оно с помощью репродукции выжимает эту однотипность даже из уникальных явлений. Так, в области наглядного восприятия находит отражение то, что в области теории проявляется как усиливающееся значение статистики. Ориентация реальности на массы и масс на реальность — процесс, влияние которого и на мышление, и на восприятие безгранично»; «Уникальность царящего в культовом изображении явления все больше заменяется в представлении зрителя эмпирической уникальностью художника или его художественного достижения» [5, с. 198–199]. Овеществление и стандартизация. Однако: цитаты как цикады (О. Мандельштам) стрекочут о скрытом осуждении автором констатируемого. Даже при формальном восприятии текста более чем странно читать якобы опредмеченные фастфудовским мышлением слова, принадлежащие человеку, сознание которого до последнего дыхания, судя по воспоминаниям его друга Герхарда Шолема, «кружит вокруг феномена мифа», ибо суть мира и сущность всех научных знаний, как заверял его Беньямин, уже были даны в сакральной форме мифа [10, с. 63–65]. Возможно, в качестве противоядия от «эстетизирующего политиче-

скую жизнь» фашизма, ревизионистское увлечение марксизмом подтолкнуло к радикальности реформаторской мысли, как подтолкнуло его к летальному шагу, ибо «в тот момент, когда мерило подлинности перестает работать в процессе создания произведений искусства, преобразается вся социальная функция искусства. Место ритуального основания занимает другая практическая деятельность: политическая» [5, с. 201–202]. Вот и сам уход ученого («И мрачно хор цикад вдруг зазвенел из сада. / А в этот час уже в бессмертье гений шел». А. Ахматова. «Смерть Софокла») — «высший акт его творчества», равный царственному самозакланию Кодра во спасение Афин, — отчаянно низвергал политику фашизма, личной жертвой реабилитируя ритуал и ауру подлинного. Ощущение скрытого «птичьего языка», который Беньямин не просто изучал, но пользовался им, зная его высочайшую цену, не оставляет при восприятии бунтарских мыслей «от обратного», и тогда текст — явно разоблачающего характера. Точно также, не мог не знать он об истинной мотивации экспериментов кубизма, как выхода в четвертое измерение, а не просто связанной с примитивной имитацией технического монтажа и движения киноаппаратуры (что соответствовало футуризму Маринетти), он не мог не знать высказываний самих художников, уже не говоря об исчерпывающих монографиях, в том числе, П. Д. Успенского и его «Tertium Organum: Ключ к загадкам мира» (СПб, 1911), о которой он не мог не слышать, посещая зимой 1926–1927 гг. Москву, или об изданной в 1931 г. на основе лондонских лекций («Психология возможной эволюции человека») другой книги Успенского на английском языке — «Новая модель Вселенной». Но одно дело декларация идей художником, а другое — их реальное осуществление творческим опытом. Не всегда художник был способен уловить трансцендентное, тем паче осознанно выйти в пятое измерение семпитеρνитас, как думалось это, например, Джакометти или Малевичу. Впрочем, замечал еще Г. Шолем в предисловии к «Московскому дневнику» друга, вспоминая Асю Лацис: «Здесь остается какая-то загадка, которая в жизни такого человека, как Вальтер Беньямин, вполне уместна». Не случайно также, слишком часто Беньямин, отыскивая «новые пути к прошлому» (Х. Арендт), оправдывался перед друзьями, что его не правильно поняли, и столь же часто он создавал несколько версий одноименных текстов, которые не принимали ни одни (Г. Шолем), упрекавшие ученого в отходе от сакрального, ни другие (Б. Брехт), раздраженно называвшие его марксизм «мистикой». (А в чем ученый оказался прав, видимо, надеясь, что и его тексты когда-нибудь правильно расшифруют, так это в том, что смысловая окантовка журналистами фотоснимков «без ауры», часто не имела с объектами никакой связи, как и стёб современного концептуализма — со своими визуализациями, где тонкая аура творчества стерилизована, замещена «аурой здоровья» вещей). И уж тем более истинный марксист не мог написать, как это сделал в год смерти, в начале 1940-го, Беньямин, повинувшись воле его ангела истории, повернутого лицом к прошлому, но которого несут в будущее вырывающиеся из рая шквальные ветры: «Нет никаких

сомнений, что прорицатели, вопрошавшие время о том, что оно таит в своем лоне, не воспринимали его ни как гомогенное, ни как пустое. Кто сможет живо представить себе это, получит, возможно, некоторое представление о том, как прошедшее время переживается в процессе воспоминания: точно так же. Как известно, иудеям было запрещено испытывать будущее. Зато Тора и Молитвенник наставляли их в воспоминании. Благодаря этому для них было расколдовано будущее, под чары которого попадают те, кто прибегает к помощи прорицателей. Однако поэтому будущее не было для иудеев гомогенным и пустым временем. Потому что в нем каждая секунда была маленькой калиткой, в которую мог войти Мессия» [5, с. 249–250]. (Сентенция вполне в контексте восточной философии; и, к тому ж, например, в Индии, кроме космических циклов в двадцать калы, согласно, скажем, трактата «Абхидхармакоша» Васубандху и пр., также знали свою калитку — миг в 4.500-ю долю минуты или 90-ю долю мысли, именуя ее на санскрите «кчана», за которые на планете происходит около ста смертей и ста рождений).

Но, открывая «манасическую» калитку вечности, и возвращаясь к традиции, следует вспомнить, что изначальный смысл понятия *аура* в восточной философии был иным. В частности, утверждалось: все имеет ауру, как магнетическое и духовное «испарение» — любое дерево, пейзаж, вещь, созданная человеком, даже у гранита аура — суть огонь, звонкими искрами высекающийся из-под резца скульптора. Аура¹ — реальный феномен физической природы, с активным участием ее сил, известных средневековью в качестве сказочных духов или элементалов [11]. Только

¹ Греческий термин *а́йра* — легкое веяние/дуновение (также: дочь Эфира и Гемеры, спутница Гелиоса), использовался в мариологии римско-католической церкви эквивалентом святости; в ведантизме связывался с акашной субстанцией, эмануруемой из тел и психики специфическим полем (сегодня фотографируемым в виде световых излучений человека, нередко именуемым лептонным полем), присущим также планетам, животным и пр. Аура суть упадхи/носитель энергий высшего и низшего разума, а также телесного электромагнетизма. Акаша — ее корень, сверхчувственная духовная сущность. В Пуранах Акашу называют Звуком, а Библия говорит о первом Слове. Грубо говоря, это матрица космогенеза, о чем в «Энциклопедии Абхидхармы» сообщается: «Мир долгое время пребывает в состоянии такого рассеяния, когда остается лишь акаша; затем вновь, благодаря энергии совокупных действий живых существ, в акаше начинают веять очень легкие ветры, как знаки, предвещающие будущее появление вместилищ. Тогда этот мир, который двадцать промежуточных, или малых, калып пребывал в состоянии рассеяния, следует рассматривать как завершивший свое существование, а мир, который будет еще разворачиваться, — как возникший» [2]. Лао-Цзы в «Дао де цзин» именовал Акашу как «вещь, в хаосе возникающую, прежде неба и земли»; и беззвучно-бесформенной матерью Поднебесной без имени, что «повсюду действует и не имеет преград», условно названной им «дао» [12].

на Востоке намного раньше знали, что самые могущественные элементы огня (саламандры западной мифологии) — на нашем плане не имеют сознания, требуя от жреца-огнепоклонника теургического мастерства и чистоты для общения на высших планах (священные огни дастуров, мобедов и хирбадов). А вот стихии воздуха (сильфы) — имеют, создавая и разрушая миры, а также непосредственно воздействуя на наши мысли, прилепляясь к человеку, образуя психические вихри, ментальные эпидемии, побуждая природу «яростной силой ветров» к катастрофическим подвижкам, что напрямую взаимосвязано с коллективным сознанием: «Но разве не было сказано, что ветер, обладающий особой энергией, которая порождена совокупной деятельностью живых существ, является причиной нового мира-вместилища и что его инструментальной причиной будет верхний ветер периода разрушения мира?», более того, как утверждает сутра Махисасаков, а это лишь недавно подтвердили астрофизики, найдя аминокислоты в астероидах, метеоритах, комете: «Семена [т. е. материальные источники], приносятся ветром из других миров» [2, с. 36]. Поэтому на Востоке и ныне вывешивают на священные деревья или на специальные опоры молитвы-обращения к атмосферным духам природы. (Писатели «Пражского Возрождения» достаточно этой мистической теме отдали дань, а сегодня тема корреляции пространственно-временной структуры геомагнитного поля и био-антропологической системы изучается зарубежными и отечественными учеными, в частности, сотрудниками Института геофизики НАНУ [13; 14]). Иначе говоря, аура, которую имеют все вещи и существа подлунного мира, и которую нынче умеют фотографировать специально настроенной аппаратурой (Беньямин был бы приятно удивлен — аура не распалась, и даже нашла с фотокамерой контакт), помимо отражения индивидуально-телесных качеств объекта, также является тончайшим носителем-проводником Высшего Разума, божественной энергии Вселенной, предоставляя вещественные доказательства правоты учения Симона Волхва. Подобно двустороннему зеркалу, отражая в себе не только свет сущности, но и психические характеристики рассудочного эгоистичного человека, аура его в процессе жизни темнеет омрачающимся сфумато, если не будет в какой-то момент волевым усилием и тренировкой очищаться до состояния сознания в духе — сияющего индиго с золотым. Старая истина, озвученная поэзией Шэнь Сю: «Светлое зеркало следует постоянно очищать от мирской пыли» [2; 3]. Именно аурическое сияние вокруг мудрецов видели древние иконописцы, изображая золотое гало-нимб, либо, скажем, восточные художники, когда изображали мерцающий сине-золотой свет вокруг фигур медитирующих Бодхисатв. Ведантис-ты утверждают, что в аурической оболочке как тонком акашическом носителе всей информации о человеке, липики запечатлевают те причины, что сохраняются до следующего воплощения человека в качестве его кармического долга. Поэтому художник, отступивший от профессиональных истин и принципов ради личного

обогащения, понесет кару. Таков закон воздаяния. Не только искусство, но сам по себе интеллект человечества несет кармический долг, следуя по пути эволюции от крайне эгоистичного до трансцендентного, измененного под воздействием света Высшего Эго. Отсюда периодический в истории культуры тренинг сознания, улучшающий качество интеллекта упражнениями, развивающими возможности абсолютной мысли, способной осуществлять высокие идеации в жизнь. Этот опыт проходило искусство XX в., где принцип ограничения, разделяющий уровни сознания и времени, — форма, претерпевала метаморфозы, и вещному веризму образов вот-бытия противопоставлялась визуализированная иноформа другого плана. Об этом пытались говорить на публичных лекциях-диспутах Д. Бурлюк и Н. Кульбин, о чем вспоминал Бенедикт Лившиц в «Полутораглазом стрельце»: «В том сезоне Кульбин носился с идеей “спиралеобразного” развития искусства: он излагал ее на всех своих выступлениях, на недавно закрывшемся Всероссийском съезде художников, на бобровском реферате в Троицком театре, и с нею же, будучи вызван Бурлюком из Петербурга, предстал перед москвичами.

— История искусства, — говорил он, — если проследить его эволюцию от первичного хаоса до наших дней, не что иное, как спиралеобразное восхождение с постоянно чередующимися фазами, с поворотами от идеализма к реализму, от реализма к идеализму и т. д. В пределах каждой фазы можно наметить отдельные этапы: академизм — мертвую полосу в искусстве, декадентство — гниение, унавоживание для будущих веков, сентиментализм — посев, романтизм — цветение, и наконец, пора сбора плодов — новое искусство, свободное творчество». Надо заметить, что теория Н. И. Кульбина не была тогда одинока, над ее осмыслением работал также Ф. И. Шмит, с 1912 г. — профессор Харьковского университета, а с 1921 г. — действительный член АН УРСР. Так что в миллениум, надо полагать, культура в очередной раз обязана очнуться в идеализм свободного творчества, вспомнив: лишь экстатическое воображение может проникать сквозь тонкие мембраны миров, перенося увиденные образы иной реальности на план наличного бытия. Переиначивая слова героя книги У. Эко, сколь бы не прикидывались цветами высокой культуры нынешние эвпатриды культуриндустрии, божественного опыления не произойдет: пчелы не воспоследуют к симулякрам время-сознаний, изначально лишенным нектара алетей, а вот черви не переборчивы. Кант, по сути, вторил истине восточных учений, отправляя художника по ветвящимся вселенным безвременья со столь эфемерной, но высокой, миссией интуитивно-образного познания. С другой стороны, востоковеды, переводящие древние трактаты Индии, Китая, говорят о том, что вынуждены пользоваться кантианской терминологией, как это делал и акад. Ф. И. Щербатский, а сами тексты, констатирует, например, проф. В. И. Рудой, исследующий самую философскую часть Трипитака — Абхидхарма-питака, демонстрируют «наличие развитого традиционного теоретического сознания», цементирующего

две прочие части: Сутра-питака и Винайя-питака, нередко заводя переводчика в тупик сложнейшими метафизическими нюансами [2, с. 344]. Так что, вполне закономерным является вопрос: а был ли «мальчик» из нашей культуриндустриальной реальности действительно в духовном, предлагая, с обильным слово-отделением, не-форму иного по рыночной цене вещного мира. Ведь сказано, «говорящий о пути не знает его». Правда, он-то намеренно манипулирует тем, что ни у кого нет бытийных критериев оценки его «метафизического» продукта. Только «мера — в себе самом». И все же, никто не отменял древнего правила: мыслишь о духовном — ты на плане духовном; мысля о материальном, о красотах природы — и ты остаешься на уровне чувственно-ментальном; а если же думы художника о еде и страстях, то что бы он в это время ни писал, ни ваял, ни мастерила, объясняя затем зрителю и заказчику законы метафизического творчества, — он не в силах отодрать свой культурный продукт с уровня физиологических инстинктов. Так постулаты «Дао дэ цзин», озвученные визуалистами, живут обособленной от концептуального творчества жизнью. Критически оценивая актуалистские проекты, нам при этом нечего возразить Лао-Цзы: «Человек следует законам земли. Земля следует законам неба. Небо следует законам дао, а дао следует самому себе»; «Великое — оно в бесконечном движении. Находящееся в бесконечном движении не достигает предела. Не достигая предела, оно возвращается к своему истоку» [12, с. 55].

Кант постиг тайну земного субъективного времени. Времени не существует для нас вне привычного сознания — во сне, при медитации или когда вглядываешься в бесконечность звездных скоплений, буквально выпадая в небо. Но осознанно выйти в иное можно лишь целенаправленно взламывая границы преходящего, прорабатывая упорными тренировками сознание в духе тут на грешной земле, наслаивая субъективно-условные циклы времени на космические, осваивая весь цивилизационный опыт человечества. Поэтому-то В. Бенъямин, много времени уделявший сакральным текстам, обращал внимание на то, что индивидуальное сознание ежедневно, на протяжении всей жизни как в зеркале отражает события истории, привнося свой опыт, если таковой имел место быть. Вот почему циклы времени истории и культуры человечество меряет на земном плане своим же сознанием. Соответственно, события прошлого будут возвращаться вновь, повторяясь до тех пор, пока мы не изменим время-сознание — свое и культуры. На этом принципе построена и система древней Книги перемен, И-Цзын, на основе которой Терренс Маккена создал теорию временной волны. Очевидно: эволюция не допускает пассивного отношения к жизни, предполагая со стороны человека заинтересованное самосовершенствование, активное развитие мышления. Раз уж вестник Богов психопомп Гермес, матьеру которого была иллюзия-Майя или старуха, по классификации греками четырех возрастных статусов женщины, — быстр как мысль, то необходимо постоянно перемещать сознание на все более высокие уровни, чтобы

избегнуть деградации, гистерезиса личностного и всей культуры, не позволяя интеллекту застаиваться на нижних уровнях тварного сознания, где зло гнездится именно потому, что плотность материального тут наивысшая, и меркнет трансцендентный свет этернитас. Вот почему даже божественный Гермес на земном плане не избежал эгоистичной меркантильности, становясь богом мошенников и хитрецов-торговцев. С этих же причин пифагорейцы, изгоняя нерадивых, ленивых учеников, воздвигали им кенотафы.

Возможно, более нет нужды искать аргументы в пользу простой истины: чтобы не деградировать, аннигилируя личностное время-сознание, мы обречены стремиться к духовному как существу, трансформируя себя во имя красоты становления мира, и не позволяя ложным религиям, разменивающим высокое искусство на площадную парадигму, обольщать нас. Можно при этом принимать восточные доктрины или опровергать их истинность, размышляя об абсолютном идеале, высшей задаче искусства и проблеме зла, как столетие тому В. Соловьев, разоблачая глупость дыромольства перед угрозой «панмонголизма», пытался «определить предстоящее страшное столкновение двух миров — и тем самым наглядно пояснить настоятельную необходимость мира и искренней дружбы между европейскими нациями»; только подмена духовной эволюции капиталистическим меркантилизмом рыночных отношений не освобождает от ответственности в любой традиции ни тогда, ни теперь, когда снова кажется, что никогда «предмет богопочитания не достигал такой крайней степени упрощения», и поэтому «ввиду заражения нравственной атмосферы систематическою ложью общественная совесть громко требует, чтобы дурное дело было названо своим настоящим именем. Истинная задача полемики здесь — не опровержение мнимой религии, а обнаружение действительного обмана. Этот обман не имеет извинения» [15]. В конце концов, даже животное демонстрирует сознательность, однако, только человек обладает самосознанием, понимая себя не столько как эго, но как сущность. Так есть ли смысл продолжать столь безрассудно обольщаться на счет интеллектуальных «гениев» культуриндустрии и подражать публичным художникам престижных арт-премий, не замечая, что эти *лучшие* заражены не менее страшным вирусом, чем Эбола, — эгоизмом, гордыней и тщеславием, не позволяющим преодолевать свои пределы, а значит, разлагающим, убивающим искусство и общество? Вакцина же, найденная древними Гиппократами — магнум опус индивидуального время-сознания, экстазирующего в трансцендентное, — у нас всегда под руками, стоит лишь довериться прошлому. И романтический порыв Уильяма Морриса, мечтавшего превратить мир «из прокопченного задворья мастерской в цветущий сад», реализуется довольно просто, если только искусство пожелает среди прочего: «увеличивать счастье людей, наполняя их досуг красотой и интересом к жизни, не давая им уставать даже от отдыха, утверждая в них надежду и вызывая физическое наслаждение от самого труда. Короче гово-

ря, цель искусства — сделать труд человека счастливым, а отдых плодотворным», ибо «подлинное искусство — неомраченное благо для рода человеческого. ... Ведь искусство — богато ли оно или бесплодно, искренне или бессодержательно — является и должно являться выражением общества, в котором оно существует» [16, с. 61].

Литература

1. *Босенко А. В.* Реквием по нерожденной красоте [Текст] / А. В. Босенко. — К., 1992.
2. Буддизм в переводах [Текст] : альманах : вып. 2 / пер. с кит., монг., пали, санскрита, тиб. и японск. Е. А. Торчинова, М. Е. Ермакова, В. И. Рудого [и др.] ; ред.-сост. Е. А. Торчинов. — СПб. : Андреев и сыновья, 1993. — 272 с.
3. Буддийские тексты Китая, Тибета, Монголии и Бурятии-3 [Текст] : сб. ст. / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; [отв. ред. Л. Е. Янгутов]. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. — 180 с. ; *Янгутов Л. Е.* Традиции Праздникапарамиты в Китае [Текст] / Л. Е. Янгутов ; отв. ред. С. Ю. Лепехов. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госуниверситета, 2007. — 272 с.
4. *Мандельштам О. Э.* Век мой, зверь мой [Текст] : сборник / О. Э. Мандельштам ; авт. вступ. ст. П. Басинский. — М. : Эксмо, 2011. — 638 с.
5. *Беньямин В.* Учение о подобии [Текст] : Медиаэстетические произведения : сб. ст. / В. Беньямин ; пер. с нем. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой [и др.] ; сост. и послесл. И. Чубаров, И. Болдырев. — М. : РГГУ, 2012. — 288 с. — (Серия «Современные гуманитарные исследования», Кн. I).
6. *Ямвлих.* Жизнь Пифагора [Текст] / Ямвлих ; пер., вступ. ст. и прим. В. Б. Черниговского. — М. : Алетея, 1997. — 179 с.
7. Тибетская книга мертвых [Текст]. — М. : Агентство ФАИР СКРИН, 1995.
8. *Стоппард Т.* Розенкранц и Гильденстерн мертвы [Текст] : пьесы / Т. Стоппард ; пер. с англ. И. Бродского. — М. : Иностранка, 2006.
9. *Сакс О.* Антрополог на Марсе [Текст] / О. Сакс ; пер. с англ. А. Николаева. — М. : АСТ : Астрель, 2010. — 382 с.
10. *Шодем Г.* Вальтер Беньямин — история одной дружбы [Текст] / Г. Шодем ; пер. с нем. Б. Скуратова ; пер. с фр. С. Лепиловой. — М. : Grundrisse, 2014. — 462 с. : ил., портр., факс.
11. *Ливрага Х. А.* Элементалы. Духи природы [Текст] : [пер. с исп.] / Х. А. Ливрага. — М. : Новый Акрополь, 2004. — 158 с. : ил. ; *Давид-Неэль А.* Мистики и маги Тибета [Текст] / А. Давид-Неэль ; пер. с фр. Н. Крейн. — М. : Энигма, 2011. — 368 с. : ил.
12. Дао дэ цзин [Текст] / пер. и примеч. Ян Хин-шуна. — СПб. : Азбука, 1999. — 180 с.
13. Astronomy and beyond : astrophysics, cosmology and gravitation, cosmomicrophysics, radio-astronomy and astrobiology (2011 ; Odessa). 11th International Gamow Summer School, 2011 aug. 22–28 [Text] : program and abstracts. — Odessa, 2011. — 48 p.

14. Орлюк М.И. Пространственно-временная возмущенность геомагнитного поля и острые респираторные заболевания человека в украинском климатогеографическом поясе [Текст] / М.И. Орлюк, А.Ф. Фролов, В.И. Задорожная, А.А. Роменец // Тези VIII Міжнар. наук. конф. «Моніторинг небезпечних геологічних процесів та екологічного стану середовища», Київ, 20–23 вер. 2007 р. — К., 2007. — С. 94–96 ; Орлюк М.И. Пространственная возмущенность магнитного поля Земли и некоторые инфекционные заболевания [Текст] / М.И. Орлюк, А.Ф. Фролов, В.И. Задорожная, А.А. Роменец // Геофиз. журн. / Ин-т геофизики НАН Украины. — 2007. — Т. 29. — № 6. — С. 148–156.
15. Соловьев Вл. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.vehi.net/soloviev/trirazgov/razgovor1.html> ; Соловьев Вл. С. Общий смысл искусства [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.vehi.net/soloviev/smysl_isk.html
16. Моррис У. Искусство и жизнь [Текст] : избр. статьи, лекции, речи, письма / У. Моррис ; сост. А. А. Аникст ; пер. В. А. Смирнова, Е. В. Корниловой ; коммент. Р. Ф. Усмановой. — М. : Искусство, 1973. — 512 с., 8 л. ил.

Марина Протас. Час-Свідомість як міра: Досвід ретроспекції

Анотація. У статті автор намагається простежити, крізь сакральньо-філософські уявлення минулого про трансгресію свідомості внутрішнього Я, чинники сучасної ентропії культури й мистецтва. Переосмислюючи постулати давніх доктрин, що дотичні генези часу, ієрархії свідомості, автор порівнює базові культурологічні уявлення минулого з сучасними, зокрема, з'ясовуючи семантичні розбіжності поняття «аури» В. Беньяміна з традиційним тлумаченням ведантизму. Робиться висновок: становлення істинної культури є конгруєнтним зрілості індивідуального та колективного часу-свідомості, як міри освоєння цілісного досвіду свідомості в дусі.

Ключові слова: культура, час-свідомість, аура.

Марина Протас. Время-Сознание как мера: Опыт ретроспекции

Аннотация. В статье автор пытается отследить, сквозь сакральньо-философские представления прошлого о трансгрессии сознания внутреннего Я, причины современной энтропии культуры и искусства. Переосмыслив постулаты древних доктрин, касающиеся генезиса времени, иерархии сознаний, автор сравнивает базовые культурологические представления прошлого с современными, в частности, выясняя смысловые расхождения понятия «ауры» В. Беньямина с традиционным толкованием ведантизма. Делается вывод: становление истинной культуры является конгруэнтным зрелости индивидуального и коллективного времени-сознания, как меры освоения целостного опыта сознания в духе.

Ключевые слова: культура, время-сознание, аура.

Maryna Protas. Time-Consciousness as a measure: Experience of retrospection

Summary. In the article author is trying to trace — through the sacral and philosophical ideas of the past about transgression of the consciousness of the inner self, — the entropy of the origins of modern art and culture. Rethinking the postulates of the ancient doctrines concerning the genesis of time, the hierarchy of consciousness, author compares basic cultural representations of the past with modern, in particular, figuring out the semantic differences of «aura» concept as introduced by W. Benjamin with the traditional interpretation of it in Vedantism, and concludes that the establishment of a true culture is congruent with the maturity of the individual and collective time — consciousness, as a measure of the development of consciousness in the spirit.

Keywords: Culture, Time-Consciousness, Aura.